

**Падение царского режима.
Том 7**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П12

П12 Падение царского режима. Том 7 / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 481 с.

ISBN 978-5-458-13188-9

Стенографические отчеты допросов и показаний, данные в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства.

ISBN 978-5-458-13188-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

LXXVII.

ПОКАЗАНИЯ А. И. ШИНГАРЕВА.

21 августа 1917 г.

Содержание. Комиссия финансовая и бюджетная Государственной Думы. Вопросы общей политики. Встречи со Столыпиным. Постепенная утрата Столыпиным полноты власти. Бюджетное право. Исключенный из ведения Думы государственный доход. Таможенный тариф. Доходы ведомства императрицы Марии, кабинета, уделов и доходы от кредитных операций. Пересрочка займа. Область расходования. Забронированные расходы. Право расходования сумм правительством. Расходы военные. Принципиальный спор между министром финансов Коковцовым и Госуд. Думой по поводу расходов по постройкам частных жел. дорог. Конституционный рубль. Секретный кредит. Неполнота бюджетных прав Думы. Сборники легальных титулов. Статья 18-я сметных правил. Новое положение о полевом управлении. Ограниченность бюджетных прав Думы. Разногласия Думы с советом по вопросу о росписи. Налоговые мероприятия. Заседание 7-го марта 1915 г. Бюджетные речи Шингарева. Подготовка к выборам, исхочатайствование 1½ миллионов на этот предмет. Еще о частном совещании членов Думы с министрами. Процесс членов с.-д. фракции Государственной Думы. Работы военно-морской комиссии. Опасения возможности войны. Военно-морская программа. Общая неподготовленность. Сведения с фронта. Записка о положении на фронте, поданная б. царю. Положение дел в 1916 году. Характеристика Протопопова. Поведение Протопопова за границей. Стокгольмское свидание.

Председатель. Андрей Иванович, мы не будем вас спрашивать ни по какому частному поводу, но в тех общих пределах, которые я позволю себе изложить, быть может, вы не откажетесь сообщить нам все вам известное. Мы подводим итоги довольно сложной работе двадцати семи следователей, и, как показал опыт, общие допросы помогают нам в смысле полного и ясного сознания тех конкретных фактов, которые поступают к нам. Главное наше внимание сосредоточено на эпохе последних лет. Наиболее детально мы расследуем последний год существования старого режима, но интересуемся также и событиями несколько более раннего времени. Прежде всего, я бы хотел, чтобы вы дали нам общий очерк поли-

тики последних лет, иллюстрируя его на отдельных моментах деятельности различных министров. Кроме того, желательно, чтобы вы поделились с нами сведениями о вашей работе в финансовой и военно-морской комиссиях Думы. Работа финансовой комиссии нас интересует отчасти в связи с вопросом о злоупотреблении 87 статьей, законодательства вне Думы, и, в частности, с вопросом о злоупотреблении 17 и 18 §§ сметных правил. Затем, по вашему председательствованию в военно-морской комиссии, нам бы хотелось иметь общий краткий очерк военного дела последних лет, а может быть и месяцев старого режима. Наш секретарь сегодня говорил уже с вами, может быть, все это в совокупности поможет вам дать нам такой общий рассказ.

Шингарев. Собственно, работа моя была не в финансовой комиссии, а в бюджетной. У нас в Государственной Думе финансовая комиссия занималась вопросами налоговыми, а таковое название имела комиссия государственного совета, где был сосредоточен бюджет и финансы. Я работал почти исключительно в бюджетной комиссии, а в финансовой бывал очень редко, даже сплошь и рядом не состоял там сочленом. - Разрешите мне прежде всего коснуться общеполитического вопроса, тем более, что в нем я могу дать сравнительно мало показаний, так как в Государственной Думе вопросом общей политики занимался мало, специализировавшись почти исключительно на вопросах бюджетном, финансовом и хозяйственном, т.-е. работал в комиссиях земельной и самоуправления. За три Думы, начиная со второй, кончая четвертой, я по общеполитическим вопросам почти не выступал никогда и только в своих бюджетных речах, ежегодно с 1908 г., конец речей посвящая вопросам общей политики. У меня бывала такая схема речи, что я рассматривал сначала правовую сторону бюджета, его технические особенности, а затем переходил к анализу злоупотребления и ошибок правительства в области общей политики. Думаю, что здесь чего-либо особенно нового, кроме вам известных фактов, я не скажу. С момента 2-й Думы я принимал участие в Петрограде в политической работе и уже тогда было совершенно ясно, что исполнение существующих законов, касающихся народного представительства, вовсе не желательно для существовавшей власти, что постольку, поскольку необходимо сохранить форму, ее сохраняли, поскольку возможно отнять содержание у этой формы, его отнимали. В обще-политических вопросах этот этап истории и конца 2-й Думы общеизвестен. Некоторый перерыв в постепенном развитии хода событий как будто бы создало за период 3-й Думы появление у власти Столыпина. Внешне в речах моих товарищей по Думе, октябристов и других лиц, сочувствовавших Столыпину, это выражалось так. Столыпин сделал переворот для того, чтобы укрепить, хотя бы в такой форме, народное представительство. Это была, так сказать, парадная фраза, которая объясняла, почему

Столыпин распустил 2-ю Думу, создал безобразный, провокаторский процесс социал-демократов и затем применил целый ряд мер. С точки зрения тогдашних защитников правительства, все это сделано было для того, чтобы хотя в этой урезанной форме сохранить народное представительство. Вначале я встретил большое количество искренно веровавших, что это так и есть. Этим объяснялось и обаяние Столыпина в их среде. В нем видели защитника известных классов, но вместе с тем защитника конституционных начал, поскольку они остались, уцелели после акта 3 июня. Однако, по мере жизни 3-й Думы иллюзии, быть может, существовавшие и у самого Столыпина, я этого не знаю, в достаточной степени рассеялись как для него, так и для его поклонников. Со Столыпиным мне приходилось встречаться очень мало. Я был у него всего два или три. Первый раз за период 2-й Думы, в 1907 г., когда у нас в Воронежской губернии, в Землянском уезде, были осуждены на смертную казнь девять или десять крестьян, подозревавшихся в убийстве местного помещика. Я получил тогда телеграмму от одного из защитников этих несчастных, который мне сообщил, что два из присужденных сознались, а остальные отрицают свою вину, и вот он просил добиться пересмотра этого процесса.

Председатель. — Присяжный поверенный Кобяко?

Шингарев. — Забыл его фамилию, помню только, что я тогда же поехал к Столыпину, при чем в телеграмме следователя указывалось, что они преданы военно-полевому суду, а между тем уже было начато дознание следственными гражданскими властями, и просьба заключалась в том, чтобы либо потребовать пересмотра решения военно-полевого суда, либо добиться передачи дела уголовному суду нормальной юстиции. По этому поводу мне и пришлось беседовать с Столыпиным. Он довольно скоро меня принял и вот, я помню, у меня был тогда необычайно характерный с ним разговор. Он начал с того: «я не понимаю, почему могло случиться такое положение, что началось судебное следствие у следователя. Это дело должно было идти по военно-полевому суду». Я не мог объяснить почему и указал на то, что есть расхождения между данными военного следствия и следствия, начавшегося у судебного следователя. Он был, видимо, крайне недоволен, что было произведено такое вмешательство судебных властей нормального порядка и стал говорить, что ничего не может тут сделать, так как не может обращаться к военному суду с каким-нибудь заявлением. Я ему тогда сказал, что двое уже сознались, там есть невинные, которые не сознаются, и хотелось бы, чтобы не совершилось этого ужаса, чтобы не были казнены невинные люди. Тогда он заявил мне следующее, что, по-моему, кажется характерным: «вы не знаете, за кого вы заступаетесь, это обезумевшие звери, которых можно держать только ужасом. Если

их выпустить на свободу, они перережут всех: и меня, и вас, и всех, кто носит пиджак».

Председатель. — Он говорил не об индивидуальных особенностях данной группы, а высказывал общее мнение?

Шингарев. — Это был период крестьянских волнений в Воронежской губернии — убийство не с целью грабежа, а политическое, вызванное социальной рознью. Был убит местный помещик Землянского уезда, о котором говорили, что он давал деньги в рост. К нему пришли и убили, а этих лиц схватили. — «Это обезумевшие звери, — говорил Столыпин, — вы не понимаете, за кого вы заступаетесь». Когда я сказал, что там есть невинные люди, он мне на это ответил: «во всяком случае военный суд разберет». Я ему тогда стал указывать, что не могу допустить мысли, чтобы власть сознательно толкала невинных людей на казнь. «Никакой сознательности тут нет, но во всяком случае я считаю, что вы не понимаете, о чем просите», — заявил он довольно грубо. Я не выдержал, меня взорвало: «а я не понимаю, как уважающая себя власть может казнить невинных людей». Вероятно, мое замечание его очень раздражило. Он вынул какую-то большую диаграмму с какими-то кривыми и сказал: «вот вы все время думаете, что можно от власти требовать прекраснотушия. На власти лежит страшная ответственность. Вот у меня данные, посмотрите (это было, когда 2-я Дума отменила военно-полевые суды): вы требуете отмены военно-полевых судов, вот посмотрите диаграмму. С каждым днем, по мере разговора в Думе, у меня увеличивается число жертв, убитых городских, стражников. Террор идет и растет. Я ответствен за это. Вы не имеете права требовать от меня, чтобы я отменял смертную казнь». Я остановился рассмотреть диаграмму и сказал: «Я не знаю вашей ответственности, но никакая ответственность не заставит власть казнить невинных людей». Затем, я от него ушел, так что он меня не послушал. Тем не менее, он по телеграфу распорядился произвести новое дознание. Потом, как оказалось к моему глубочайшему сожалению и ужасу, это окончилось только тем, что несчастные, приговоренные к смертной казни, лишний месяц сидели в тюрьме и все-таки были казнены в Землянске. Это было в апреле, в мае 1907 года. Их продержали месяц, пока велось следствие, и в конце концов казнили. Причем казнь эта сопровождалась ужасными вещами. Все, которые должны были их казнить, — тюремная стража и смотрящие за этим делом полицейские, — все перепились и после казни растеряли трупы. Сплошной ужас! Это был мой первый визит к Столыпину. В этот момент он показался мне человеком необычным. Так он горячо говорил, с такую страстью набросился на меня, так необычна была его диаграмма, показывавшая, что растет террор, что он должен, хотя бы ужасом, его остановить, что он ответствен за жизнь, что ему поручено государство, сво-

бода и безопасность граждан, и он не может допустить, чтобы их убивали, как зверей. Мне показалось, что он сам искренно верил в то, что должен так поступать. Затем мне пришлось быть у него второй раз в Елагином дворце, на Елагином острове по поводу дела члена Думы Пьяных. Это было таким образом. Ко мне обратился Кальманович с просьбой что-нибудь сделать, что Пьяных осужден невинно, что он ничего не мог добиться и что это может сделать только один Столыпин. Сначала я обратился к Хомякову. Хомяков тоже ничего не мог сделать и сказал: «лучше передайте дело Гучкову, Гучков ближе к Столыпину». Я обратился к Гучкову, Гучков говорил с Столыпиным и через 4 — 5 дней сказал, что «Столыпин решительно ничего не желает слушать. Может быть, вы лучше с ним повидались бы». После этого ответа Гучкова я написал Столыпину письмо с просьбой, чтобы он меня принял. Кальманович передал мне копию обвинительного акта и копию протокола судебно-медицинского вскрытия. По протоколу и обвинительному акту я сам, как врач, пришел к убеждению, что Пьяных абсолютно обвинен неправильно. Дело в том, что, если вы знаете, процесс был таков. Заманили они этого провокатора в избу, посадили играть в карты к столу, спиной к окну, и кто-то с улицы в окно его убил. При чем было единственное показание отца убитого, будто бы сын в больнице ему сказал: «в меня стреляли сзади, я обернулся и увидел, что в меня стрелял Пьяных». Протокол вскрытия показал, что пуля попала в печень, задела даже сердце, было опрочное кровоизлияние, а что раненый, не приходя в сознание, не сказал ни одного слова, подтверждает фельдшерница, доктор и сторож больницы. Эти слова могли самому отцу прийти в голову, в особенности, в виду его неприязни к Пьяных. Я, как врач, говорил Столыпину: «Вот протокол судебно-медицинского вскрытия, позовите какого угодно врача-хирурга, и он вам скажет, что в этих условиях убитый не может повернуться. Первое, что он мог сделать, упал на стол и в таком виде остался, но, чтобы обернуться и увидеть, что стреляли, это с медицинской точки зрения невозможно». Тут опять мы спорили, он говорил, что Пьяных социалист-революционер, что он сделал много гадости, что он бомбу подкладывал в дом священника. Я сказал: «я этого ничего не знаю, но знаю, что в этом деле оговор абсолютно неправильный потому, что этих слов быть не могло». Затем, когда окончили разговор, он говорит: «вы все время упрекаете меня в том, что я вмешиваюсь в правосудие. В Думе говорят, что правительство давит на суд, а вы требуете, чтобы я вмешался в суд, который осудил Пьяных». Я сказал, что требую только одного, чтобы не тронули невинного человека. Я не понимаю, зачем правительству нужно, чтобы невинный погиб? Он тогда мне говорит: «неужели вы думали — для правительства приятно, что про него кричат на всех перекрестках, что оно мстит

своим политическим противникам, да еще членам Думы? Нам самим это неприятно». После некоторого разговора я сказал: «прошу только одного, чтобы вы проверили мое мнение и вдумались в это дело. Зачем нужна невинная жизнь, когда в этом деле Пьяных не участвовал?». Наша беседа продолжалась около часу. Я показал протокол, делал отметки карандашом и оставил все у него. Когда он мне сказал, что вмешиваться в суд не желает, я ему сказал: «я только просил бы, чтобы вы возбудили вопрос о пересмотре дела. Это не есть вмешательство в суд. Это всегда можно, раз открылось новое обстоятельство. Я считаю это новым обстоятельством, поэтому прошу только пересмотра дела Пьяных». Он сказал мне в конце: «я вам ничего не обещаю». — «Мне хотелось бы от вас слышать, что вы прочтете все это сами». Он отвечал: «хорошо», — и на этом я встал, хочу уже уходить. Тогда он меня спрашивает: «от кого у вас копия обвинительного акта и медицинский протокол?». Я говорю, что мне дал один из защитников, присяжный поверенный Кальманович. «Ах да, я знаю Кальмановича по Саратову». Вдруг тон его совершенно изменился: «как же, я знаю, он сам эс-эр». Я говорю: «я этого не знаю, но здесь его очень волнует тяжелое положение подзащитного». — «Да,—говорит,—я его хорошо знаю. Вы знаете, какой он ловкий человек?» И уже с улыбкой начинает рассказывать (это, по-моему, характерно): «знаете, в Саратове был в 1905 г. погром, и Кальманович очень боялся, что погром может коснуться его квартиры (кажется, толпа двигалась в том направлении). На той же лестнице была квартира товарища прокурора, и Кальманович сообщает в полицию, что идут громить квартиру товарища прокурора. Конечно, полиция бросилась». Я на него посмотрел, — неужели он не соображает и сказал ему: «а если бы Кальманович сказал про свою квартиру, бросилась бы полиция или нет?» Тут только он понял. После того уже я узнал, что он действительно прочел документы (он мне их не вернул), спрашивал совета какого-то врача, какого я не мог узнать, и потом я узнал в Думе, не помню от кого, что дело было приказано не пересмотреть, а только смягчить степень наказания. Вот почему Пьяных попал в Шлиссельбург, приговоренный вместо смертной казни к каторге. Здесь, в этот последний мой визит у Столыпина я уже видел не того человека, я бы сказал, у него не было ни прежней самоуверенности, ни прежнего тона. Он как-то был несколько сбит с своей позиции. Наблюдая потом и сопоставляя положение в Думе, я понимал, что в сущности сам Столыпин, если в первый период в 1907 году он в свою силу верил, в это время уже фактически верил плохо. И действительно в Думе происходил тогда ряд событий, по которым указывалось, что Столыпин не всегда может проводить, что ему хотелось. Вы, конечно, знаете, что первая история, показавшая непрочность положения Столыпина, было дело со штатом морского генерального штаба,

который прошел через Думу и затем при разногласии был задержан в государственном совете. Все-таки Дума тут одолела, но, когда он был представлен на утверждение к государю, то государь не утвердил, хотя Столыпин и выступал в защиту проекта. Это была первая попытка верховной власти ограничивать толкование 96-й статьи и право народного представительства распоряжения бюджетом в области военно-морского законодательства. Затем, уже в 3-й Думе, ход событий шел таким образом, что постепенно Столыпин все больше терял полноту власти, которая, как он думал, у него есть. Большинство членов Думы также теряло веру в Столыпина, и обаяние его быстро утрачивалось. Последняя, всем известная история, нанесшая ему окончательный удар в этом смысле, была история с западным земством. Заключалась она в том, что в Думе, несмотря на наши протесты, проект, внесенный Столыпиным, прошел с национальными ограничениями. В государственном совете тот же проект был отклонен, несмотря на защиту Столыпиным. Тогда был устроен искусственный трехдневный перерыв, во время которого указом царя по 87-й ст. было проведено положение о западном земстве. Это было такое грубое нарушение самого смысла ст. 87 основных законов, что в Думе и государственном совете одновременно были внесены запросы Столыпину по поводу незакономерных действий власти. И тут и там они были приняты несмотря на его объяснения. Наиболее близкий Столыпину человек, Гучков, до такой степени расстроился этим фактом, что сложил свои полномочия, как председатель Думы. Ему это было непонятно. Он протестовал всеми силами своей души против такого изнасилования законодательных учреждений, но в то же время дружба со Столыпиным была так велика, что он предпочел уйти сам. Я так себе объясняю это психологически. С моей точки зрения, тогда наступил конец политической карьере Столыпина. В законодательных учреждениях его положение было окончательно дискредитировано. У верховной власти он, видимо, не имел уже никакой прочной опоры, так сказать, политически доживал свои последние дни. Его смерть была случайным концом. В сущности, политическая его карьера была уже окончена до этого. Между этим политическим этапом было много других побочных, но о них я не говорю потому, что они мало привлекали мое внимание за этот промежуток времени. Разыгрывалась, в сущности, та же история постепенного, я бы сказал, сознательного умаления прав законодательных учреждений в самой коренной и основной области распоряжения народными средствами, в области бюджета. Я не знаю, угодно ли комиссии выслушивать эти объяснения. Я бы мог сослаться на целый ряд работ.

Председатель. — Если можно, вы эту ссылку сделайте и дайте в немногих словах окончательное резюме.

Шингарев. — Видите ли, бюджетное право, по нашим законам переходного времени, является образчиком самого неполного, неясного и самого несовершенного бюджетного права из всех государств, о которых я только знаю. Оно составлялось в 1905 — 1906 году, при чем отразило на себе все, так сказать, особенности этой переходной эпохи, случайность редакции, неполнота, недомолвки и, вследствие крайней спешности работ, технические несовершенства и сознательное ограничение прав народного представительства. Как это ни странно, но ни в основных законах, ни в сметных правилах, изданных незадолго до первой Думы, даже самого понятия о бюджете, о росписи, о бюджетных правах, как об особой главе прав народного представительства, совершенно не содержится, за исключением нескольких статей основных законов и ряда статей сметных правил 8-го марта 1906 г. Если вы захотите искать, — что такое бюджет, что такое государственная роспись, то в законах переходного времени вы ничего не найдете, и вам придется итти к сметным правилам 1862 г., составленным еще при Татаринове. Только там находится определение того, что такое государственная роспись. И вот в этом определении, если на нем остановиться, можно выяснить, до какой степени в дальнейшем были ограничены права народного представительства, ибо по статье этих правил 1862 г. роспись определяется, как сумма всех подлежащих государству расходов данного года и всех источников для их покрытия. Между тем основного требования бюджетного права, полноты источников доходов и расходов в заведывании народного представительства, как раз не было. Какие же были исключения? Из государственных доходов не был включен в заведывание Думой целый ряд областей: во-первых, тарифы железных дорог, которые составляют главную основу доходов казенных и частных железных дорог и находятся в верховном управлении в особом тарифном комитете, которым ведает министр финансов и положение которого утверждалось верховной властью. Итак, основные, слагавшиеся доходы железных дорог находились вне ведения Государственной Думы и сметными правилами и законами переходного времени совсем не были предусмотрены. Затем, цена на водку, особым законоположением о винной монополии, неизменным в переходное время в определенных пределах, ведалась самим министерством финансов, и министр финансов мог постепенно повысить цену на водку без законодательных учреждений. Следовательно, и эта статья закона была вне прав народного представительства. Затем, чрезвычайно неясен и туманен был вопрос о таможенном тарифе. Самый таможенный тариф издавался в порядке законодательном старого времени, но вопрос о торговых договорах не был включен в права Государственной Думы и, наоборот, был отнесен, в виде вопросов о договорах с иностранными державами, в область прав верховного управления. Таким обра-

зом, получается неясность, — договоры с иностранными державами можно было заключать и без Думы, но в этих договорах изменялся таможенный тариф, который не мог иначе проходить, как через законодательные учреждения, и верховная власть толковала эту неясность и недоговоренность закона в свою пользу, а именно, если не ошибаюсь, в 1908 г. был заключен торговый договор с Италией, в котором, между прочим, был пересмотрен и в таком виде прошел таможенный тариф на апельсины и лимоны и некоторые статьи итальянского ввоза, хотя изменение тарифа требовало законодательной секции. Значит, и таможенные доходы лежали, в сущности, по практике, которая была начата, в области прав верховного управления. Целый ряд доходов ведомств не был объединен в одну кассу. Если вы припомните, реформа Татаринова в 60-х годах заключалась в том, чтобы основать единую кассу. Так вот этой кассы по доходам не было основано, и целый ряд доходов, имеющий характер публично-правовой, по существу совершенно не был объединен в государственном казначействе. Таковы, например, были доходы: ведомства императрицы Марии, которые совсем не включались в бюджет, между тем ведомство императрицы Марии имело доходы государственного характера: во-первых, ассигнования по государственному бюджету, во-вторых, монополия продажи карт и, в-третьих, налог на зрелища. Все эти доходные статьи были изъяты из области прав народного представительства. Я уже не говорю про то, что доходы кабинета и уделов, согласно основным законам, совершенно не касались Государственной Думы. Наконец, последняя область доходов чрезвычайных — доходы от кредитных операций — проходила иногда помимо ведения Государственной Думы. По законам основным, разрешать и одобрять займы, как всякий закон, должна была Государственная Дума. Между тем, в существующих на этот предмет правилах и законах была большая недоговоренность. Статьи основных законов построены были так, что не всегда можно было знать, что же собственно должен заключать в себе законопроект, который одобряет Дума: сумму займа или условия, на которых он выпускается. О сумме займа никто не спорил, но относительно условий совершения займа шел очень длинный спор между бюджетной комиссией, отстаивавшей права Думы, и министерством финансов толковавшим, что условия совершения займа не подлежат ведению Думы. Помимо неясности вопроса о чрезвычайных доходах по кредитным операциям, в 3-й Думе возник спор о пересрочке займа, по которому мы внесли целый ряд запросов, и который по поводу выпуска серий, т.-е. свидетельств государственного казначейства, тянулся всю 3-ю Думу. Дело заключалось в том, что однажды, когда наступил срок старых выпусков серий (а они выпускаются на 3 года), то старые надо было погасить, но денег для этого не

было, и надо было взамен их выпустить новые. Министр финансов Кокковцов произвел эту операцию, если не ошибаюсь, на довольно крупную сумму на 163 милл. рублей помимо Думы. Тогда же был внесен запрос, почему на 163 милл. рублей новых серий прошло мимо Думы. Министр финансов толковал, что это не заем, а пересрочка старого займа, а так как старый заем был разрешен, то, значит, можно. Государственная Дума, председатель бюджетной комиссии и я доказывали, что — нет, это не пересрочка, а новый заем, что вы погашаете старый и заключаете новый. Кроме того, это новый расход, расход обязательный, и вы расходуете без нашего ведома. Дума приняла формулу, в которой признала, что это неправильно. Однако, новый выпуск серий 1909 года на 50 милл. прошел также в порядке верховного управления, несмотря на формулу Думы. При этом произошел спор между Государственной Думой и государственным советом. Дума внесла эти 163 милл., как доход от кредитной операции и как расход в погашение старых серий. Государственный совет это выключил. Это был первый спор между Думой и советом по бюджету. Спор этот выяснил полное несовершенство бюджетных правил.

Председатель. — В котором году это было?

Шингарев. — В 1908 году. Это было первое резкое столкновение, показавшее в наших конституционных законах прежнего времени совершенный пробел в области разделения прав Государственной Думы и государственного совета. Вот какая была неполнота в заведывании доходами. Я перечислил все статьи: таможенный и железнодорожный тарифы, затем цена на водку, доходы ведомства императрицы Марии, доходы кабинета и уделов и, наконец, доходы от кредитных операций. Еще большая неполнота прав законодательных учреждений была в области расходования. Определяли права расходования денег сметные правила 8-го марта 1906 г. Интересна дата, когда они были изданы — почти накануне созыва 1-й Думы. Эти сметные правила, как потом мне и целому ряду других исследователей-финансистов удалось доказать, были приготовлены для думы булыгинской. Затем после 17 октября, слегка переписанные, остались, почти в неизменном виде, для Думы законодательной. Таким образом, то, что было приготовлено для совещательного органа, было оставлено для органа законодательного и оказалось в полном несоответствии с пониманием конституционных прав народного представительства в области бюджета. В этих сметных правилах находится целый ряд статей самых удивительных, самых ограниченных и, я бы сказал, самых абсурдных. Покойный Витте считал, что в них главная статья та, которая требует, чтобы бюджет был утвержден к 1-му января того года, в который он вступает. Эта статья никогда не была исполнена. Но в правилах заключается целый ряд статей, включенных потом и ограничивающих права Думы, это статьи: 6, 9, 10 и т. д. и, между